

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

П.И. Симуш

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАТРИОТИКА ЛЕРМОНТОВА В ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья представляет собой размышление о патриотичности М.Ю. Лермонтова в общечеловеческом контексте. Заявленная тема изоморфна по своей сути: два организма – личный и общественный – включены во вселенский контекст становления интегральной информационной эпохи. В своём начальном выборе она обращает внимание на особую актуальность интегральной лермонтовской патриотичности, которая есть не только любовь к двум его отчизнам – России и Шотландии, но и ко всем отечествам народов мира. Автор опирается на анализ личности и жизненного пути М.Ю. Лермонтова, его поэзии, а также философских работ о нём.

Концепция востребована комплексным понятием «ключимость» (совокупность ключевых слов), которое обладает как индивидуальным и национальным содержанием, так и космизмом. Включаясь в поиск отчизнолюбия, автор увидел разницу в понятиях «родина», «отечество», «Россия», рассмотрел спорный вопрос по поводу стихотворения «Прощай, немытая Россия...» (1841). Автором исправлена ошибка: вместо прилагательного «немытая» у Лермонтова значилось слово «немотная» (от слова «немота»). Свежо прояснены у Лермонтова понятия «боголюбие», «дуэль», «космический патриотизм».

Ключевые слова: филология, Лермонтов, патриотизм, ключимость, матрица, любовь, правда, отечественник, отчизнолюбие, невежество.

Abstract. This article contains the author's thoughts on patriotism of Mikhail Lermontov in terms of universal values. The declared topic is isomorphic by definition: two bodies, personality and society, are involved in the universal context of the development of the integral information epoch. Initially, the article is focused on the importance and relevancy of the integral patriotism of Lermontov that involves not only his love for the homelands, Russia and Scotland, but also love for the homelands of all nations on earth. The author bases his research on the analysis of Mikhail Lermontov's personality, life path and poetry as well as philosophical researches thereof. The topic is important because it shows the keyness (i.e. combination of key words) of Lermontov's works that reflects both individual and national content and cosmism. Analyzing the topic of love for homeland, the author differentiates the terms 'nativeland', 'fatherland', 'Russia' and touches upon the controversial poem 'Farewell! – unwashed, indigent Russia' (1841). The author corrects the mistake, in his opinion, Lermontov meant 'nemotnaya' (from the Russian 'nemota' – 'voicelessness') instead of 'nemytaya' which means 'unwashed'. The author also analyzes the terms 'love for God', 'duel' and 'cosmic patriotism' in Lermontov's works.

Keywords: philology, Lermontov, patriotism, 'keyness', matrix, love, truth, compatriot, love for homeland, ignorance.

1. Почему любовь «странная»?

Любовь М.Ю. Лермонтова (1814-1841) к России не могла не быть «странной», поскольку он различал понятия «держава», «родина» и «отчизна». Третьим словом первоначально было названо стихотворение «Родина». В лермонтовском представлении Россия является в своих семи ипостасях: страна (территория, природа); народ (социум); цивилизация (культура); родина (матрица); государственность (власть, держава, нация); гражданственность (патриоты);

отчизна (отечество, дух). В своих чувствах к этим ипостасям любовь к Родине и Отечеству, разумеется, названа «странною»: царскую власть он не любил, осмелился однажды высказать П.И. Магденко своё «жёсткое мнение». Зато он обожал земную и небесную реальности. Природа, территория, люди дифференцированы Лермонтовым в деталях: «волнуется желтеющая нива», «студёный ключ», «свежий лес», «роса... душистая», «румяный вечер», «ландыш серебристый» и многие другие. Имея в виду любимую природу, мы можем постигать экологическую логику

ку поэзии и испытывать одушевлённое влечение к ценностям природного окружения. Во «внешних чертах» – природе, пейзаже, деревенской архитектуре, а не в бытии народа Е.Г. Эткинд усмотрел определение «странная» [1, с. 11-39].

Но дело не только во внешних приметах, хотя природа и представляет миропорядок в целом. Особо привлекательна внутренняя сторона российского бытия. Именно реальная народная жизнь, труд и веселье формируют целостный «русский мир». Любимая природа более даёт человеку, нежели получает от него. Поэтому эта великая ценность свидетельствует о нисходящей любви, соответственно, и нисходящего патриотизма. Лермонтову не по душе также и казённый патриотизм властителей, которые эксплуатируют «славу, купленную кровью», «тёмной старины заветные преданья», а также самодержавие («полный гордого доверия покой»). В официозе он видел прикрытый негатив презрительного отношения к народу. Настоящая любовь к нему заключается в том, что он должен более получать, чем ему дают.

В современном звучании это выглядит также неприглядно: сотня ловких миллиардеров владеет более $\frac{1}{3}$ всех личных активов в России, а $\frac{1}{7}$ часть россиян присваивает более $\frac{9}{10}$ всех доходов населения. И эта громадная разница в распределении ставит под вопрос единую Патриотику. Класс несправедливого богатства гораздо больше берёт у Отечества, чем ему отдаёт. Сегодняшние «слуги народа» также очень богаты, а жёны многих чиновников гораздо богаче мужей [2]. Ясно, что патриотизм чиновничества скорее умирает, чем живёт. Это предположение имеет в виду долженствование справедливости в общественных отношениях. В оценке России как целого организма одна небольшая часть более широкого целого ушла от нравственного долга стремиться к истине любви народа. Любовь к Родине должна быть не абстракцией или словоговорением, а моральной действенностью, имеющей целью общее благо и продвижение страны по пути прогресса и избавления населения от лишений, которые оно вынуждено терпеть. Но в самом избавлении от бедности и нищеты есть надежда на перемены к лучшему и на оживление патриотических чувств.

Немецкий писатель и переводчик Ф. Боденштедт (1819-1892) встречался с Лермонтовым. В его затерянных стихотворениях говорится: «Нет, я не изменял своей стране, / Своих отцов достоин я вполне... // Вы утверждаете, что я не патриот, / И край родной любить и понимать не в силах» [3, с. 17-19].

У Лермонтова хватало душевных сил любить две Отчизны – Россию и Шотландию. Оставаясь российским отечественником, он порою стремился увидеть и шотландскую отчизну, был отчизником Шотландии. От своего далёкого предка, провидца и барда Томаса Лермонта Михаил Лермонтов унаследовал свой особенный дар. (Шотландские корни русского гения рассмотрел писатель Владимир Бондаренко [см.: 4].)

По мнению В.С. Соловьёва, этот дар выразился в способности «схватывать запредельную сторону жизни». Лермонтову нельзя отказать в генетическом праве именоваться шотландским отчизником. Не в этой ли двойственности отечественника и отчизника заключена «странная любовь» Лермонтова к одной единственной (интегральной) «Родине». Он, дворянин, любил крестьянский мир, а не дворянско-помещичью обитель. Всю свою короткую жизнь он сохранял также большое любовное чувство к Москве. Почему первая столица, а не вторая, напоминала ему об отчизненном благе? До открытия генетикой наследственного гена необычным было чувство влечения к шотландской отчизне. Отсутствие российской нации в 1-й половине XIX в. не могло дифференцировать понятия родина, отечество, держава, государство. К тому же, как отмечал С.Л. Франк, «настроение Отечественной войны 1812 года миновало быстро и довольно бесследно...» [5, с. 572].

Весьма показательна была жалоба Пушкина по поводу патриотического индифферентизма. Как убеждает отечественная история, названному феномену суждено было снова появиться на свет на рубеже XX-XXI веков. Радикал-реформаторы превратили народ РФ из цели реформирования советского общества в средство осуществления своих эгоистических устремлений. Начиная с XXI века, патриотический индифферентизм овладел российским обществом. Государственный патриотизм с точки зрения правящего и господствующего классов скорее мёртв, чем жив. Державная патриотичность (указанный класс и народ) разделена пропастью и представляет собою дуализм противоположностей. Если сравнить со временами Лермонтова, то понятнее станет исключительная «живучесть» крепостного права крестьянства. Известно то обстоятельство, что по библейскому закону Моисея индивидуальное рабство могло существовать только 6 лет. В связи с этим вызывает недоумение, почему же русский крестьянин терпел рабство уже два века, тогда как еврей «шесть лет должен он быть

рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу». Для русских же крепостных вместо свободы господ предложены «Славу, купленную кровью» и «тёмной старины заветные преданья». Об истинном значении последних автор хорошо знал.

2. Единая матрица народов

У Отчизны есть синоним не Родина, а Держава, понимаемая в смысле верховновластия царя и господ, тех, кто власть держит над населением. Им противостоит народная Родина-мать, матушка-земля, земщина. Родина – отнюдь не властная вертикаль отчизны и державы, она суть матрица. У русских, белорусов и украинцев есть триединая матрица, Абсолют которой с религиозной точки зрения не вызывал у Лермонтова никакого сомнения. Существенную лакуну в понимании этой тройственной матрицы восполняет уникальный труд исследователей России, Украины и Белоруссии [см.: 6].

Широкий контекст средневекового мира позволяет компаративно представить историю триединой отечественной матрицы, уважительно относиться к институту патриархата Всея Руси, то есть России, Украины и Белоруссии.

В «Лермонтовской энциклопедии», в её частотном словаре отсутствует слово «матрица». Зато «мать», «матерь» мы встречаем здесь 155 раз. Подобно человеческому рождению общество формирует матрицу в виде совокупности индивидуально-социальных форм бытия. При внимательном прочтении лермонтовских текстов возникают картины жизни людей, которые сохраняются и обновляются. Здесь особо выделяется письмо к Марии Лопухиной от 2 сентября 1832 г. Лермонтов писал: «...Москва – моя родина, и такую будет для меня всегда... Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная – такая для них редкость... Каждый должен следовать своему предназначению... Вот ещё стихи, которые сочинил я на берегу моря: «Белеет парус одинокий...» И далее поэт назвал его мятежным, просящим бури, «Как будто в бурях есть покой!» Лермонтовский патриотизм по истине революционный.

Да, в жизни матрицы происходят бури и есть покой, поскольку в ней отражается имманентная коллизия двух начал – государственно-общественных интересов и прав личности. Не в одну коллизию, а в их множество был вовлечён многострадальный сын, офицер, поэт и пророк. Лермонтов высказывает надежду на то, что в России появится

нечто высокосозидательное, добывающееся успеха в освоении архаики и в новых творениях. Ибо в основе России две реальности – человек и царь. Народ, нация, государство – это абстракции, понятия этих реалий.

Российская матрица – это не просто система самоорганизации общества даже вопреки самодержавию, а живая система ценностей и традиций, устоев народного бытия. Наш язык, речь и лексикон, обогащённые лермонтовским творчеством, являются основополагающими звеньями обеспечения преемственности поколений. Памятуя Пушкина и Лермонтова, Валерий Брюсов считал, что за словом «матрица» скрываются «тайны в нас», ибо, по Фёдору Сологубу, «Я – бог таинственного мира», а, по мнению Александра Блока, «мой собственный волшебный мир стал ареной моих личных действий». Вслед за А. Блоком считали себя русскими гениальные поэты Борис Пастернак и Иосиф Бродский.

В личности Лермонтова выразилась полнота самостоятельности разума, чувств, воли, своеобразного и глобального характера. И самое главное – лермонтовский патриотизм есть единство самосознания – личного, общенародного и общечеловеческого. Думаю, что никакой излишней идеализации творчества Лермонтова у советского литературоведения не было. С его именем явилось общечеловеческое явление смелого одинокого преобразования в стихотворениях «Предсказание» (1830), «Смерть Поэта» (1837), в поэме «Демон» (1829-1839). Лермонтовский мир мистики стал ареной не только личных, коллективных, но и глобальных действий. При таком положении дела и возникают проклятия в адрес русской матрицы [см.: 7].

Как только оборвалась связь с матрицей у Лермонтова, так катастрофически оборвались связи с нею и у России. Теперь приходится налаживать матрицу по-новому. Ноосфера настойчиво вопрошает: «Что же произошло с патриотизмом в конце XX и в начале XXI века? Отчего он померк?» Видимо, потому, что наше невежество весьма живуче, и от невежества Николая-Палкина в сфере управления гражданским обществом идёт преемственная линия современной бюрократии.

Россияне, превращаемые лидерами в средство для исполнения эгоистических целей правителей, олигархов, забыли «любви и правды чистые ученья», которые провозгласил пророк Лермонтов. В противовес его духу эгоизм смог обручиться даже с демократией, которая стала во всём мире чисто словесной категорией. Дельцы, назвавшись демо-

кратами, стали бизнесменами откровенно эгоистического мировидения.

Однако матрица существует не только для господ, но и для всего народа. Судя по трагическому опыту Украины, даже демократия, подчинённая идеологическим крайностям, способна подрывать матрицу. Лермонтов напоминает, что матричная «Пустыня внемлет Богу...» Можно предположить, что «гласом Свыше» ему подсказано быть «общечеловеческим» отчизником, а не называться «просто» русофилом.

3. Лермонтовские озвучивания немоты

Время, наступившее после беспощадной расправы с декабристами, можно охарактеризовать как *«принудительную немоту»*. Она установлена самодержавием при молчаливом согласии так называемой «народности», подавляемой крепостным правом. Немота народа была гнетущей, а последствия её довольно печальные.

Это почувствовала юношеская душа Мишеля Лермонтова, который в 1830 г. предсказал крушение русской монархии. Лермонтовское «Предсказание» подтвердила не только Февральско-мартовская революция 1917 г., но и расправа большевиков с Учредительным собранием в январе 1918 г.; затем последовала ужасная гражданская война, – самая мрачная рассосредоточенность русского массового ума. Своёобразным диалогом с лермонтовским «Предсказанием» предстала лекция лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова в 1918 г. Он признал, что нарисованная им «характеристика русского ума мрачна... и то, что переживает Россия, тоже крайне мрачно...» Теперь, когда мрачные периоды догматического мышления, казалось бы, миновали, в краевом центре г. Ставрополе, где бывал поручик Лермонтов, на центральной площади города соседствуют две скульптуры – пророку революции и её вождю – В.И. Ленину. Следует помнить и воплощать в жизнь завет поэта-мыслителя «жить своею самостоятельную жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое» (См.: письмо другу и издателю А.А. Краевскому).

Вторым, и самым важным озвучиванием российской немоты, явилось уникальное стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта» (1837). В нём можно прочесть потаённую надежду на оптимистический прогноз о том, что страна может быть свободной от публичной немоты и стать полной коммуникативными контактами в силу неизбежности

божьего суда над теми, кто пренебрегает земным судом и не даёт хода Правде. Пока этого ещё не случилось, и Россия являет собою «сварливую немоту» (по определению социологов).

М.Ю. Лермонтову не только было дано рассмотреть весьма туманную перспективу становления гражданского общества, но и изложить своё видение грядущего в замечательном стихотворении, первую строку которого следует читать так: «Прощай, немотная Россия...» Лермонтов не мог назвать Россию «немойтой», здесь вина переписчиков. Разумеется, стихотворение не является ни фальшивкой, ни плодом усилий другого поэта. «Прощай, немотная Россия» написано рукою мастера политической поэзии. Оно не выпадает из контекста лирических шедевров Лермонтова последнего года его жизни. Поэтический гений страдательным образом обрёл исключительную актуальность в сочетании с высоким созерцанием бытия. Можно по-разному характеризовать народ: «покорный», «послушный», «преданный». Разное отношение у людей вызывают и слова «господа», «рабы», «цари», «вожди», «мундиры голубые». Но однозначно существует потребность в освобождении нашего сознания от закрепившегося в нём ярлыка «немойтая Россия». Освободиться от предвзятости непросто, ибо люди, как правило, ориентированы на предубеждённое мнение.

Лермонтов предлагает нам работать над проблемой «российской немоты», снятия принципиальных противоречий в обществе и оптимизации организации политической сферы. Нам следует преодолевать вопиющую разногласию трактовок понятий: народ, нация, государство, власть, публика. Научные и общественные дискуссии востребовали более точные определения. С Россией немоты мы уже почти распрощались. Лермонтов заметил, что «у России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем». Российское будущее, по Лермонтову, есть, по своей сути, интеллектуальный феномен. Ибо гражданин государства весьма полезен и значим тогда, когда он склонен к мудрости, то есть к пониманию жизненных целей общества. Пророк Лермонтов предлагает нам два своих «чистых учения» – учение любви и учение правды. Знакомясь с ними и принимая пророчества Лермонтова об этих главных ценностях, мы узнаём, что «существенная часть мудрости – всесторонний ум» (Б. Рассел). Ему дано знать цели общества.

Позволительно предположить, что, располагая мудрым всесторонним умом, Лермонтов об-

ладал пророческим свойством. Оно могло ещё в 16 лет передать интеллектуальную напряжённость в стихотворении: «Настанет год, России чёрный год, /Когда царей корона упадёт...». Нельзя не удивляться тому, что немота и молчание народные, выраженные в шедевре «Прощай, немотная Россия...», в конце концов обернутся своей противоположностью – поистине гласной Россией. Да, мир гласности в стране стал постепенно возрождаться при её вступлении в XXI век, когда мы начали выходить из-под внешнего управления. И было бы вновь страшно видеть россиян в ином, негласном состоянии. Ведь ещё при распаде Советского Союза произошла качественная перемена, всемирно-признанные лозунги которой – «гласность» и «перестройка» – были поддержаны Родиной, Отчиной и обновляемым государством.

Видный западный исследователь Анатолий Рапопорт писал: «Осуществление политики гласности было сопряжено в основном с разрушением – разрушением парализующих ограничений свободы слова, совести, печати, ассоциаций, возможности получения достоверной информации и т.д. За несколько месяцев от этих ограничений и следа не осталось. Словом, политика гласности имела полный успех» [8, с. 199].

Подобно тому, как лермонтовское стихотворение «Прощай, ... Россия...» увидело свет спустя 46 лет после написания, мы свободно могли читать роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», восхищаться поэзией А. Ахматовой, И. Бродского, О. Мандельштама, сопереживать жизненный трагизм вместе с А. Солженицыным и В. Шаламовым. Об отходе российского бытия от немоты мечтал Лермонтов. Однако недостаточно просто попрощаться с немотной, заидеологизированной страной, надо сформировать новую информационную систему. Исполнение же лермонтовского пожелания жить свободно, по любви и правде оказывается несравнимо труднейшим делом. Вместе с тем, оно вполне реально, поскольку, как писал журнал «Вестник литературы» в год 100-летнего юбилея Лермонтова, поэты «научили нас любить нашу родину и заставили возгордиться ею...» [9, с. 1].

Если интеллектуальный патриотизм понимать как способ постижения России и мира, в котором мы живём, и если подобное понимание будет общепризнанно, тогда развитие патриотизма будет способствовать прогрессу России. После этого утверждения уместно напомнить о брошюре А.А. Кутырёвой, где представлены сохранившиеся в Германии от-

рывки лермонтовского произведения, переведённого на русский язык немецким переводчиком Боденштедтом [см.: 3, с. 16-18].

Интеллектуальная напряжённость деятельности, согласно выводу В.О. Ключевского, является двигателем России. В продвижении страны помогает язык, представляющий собою некий мост между человечеством и действительностью. Лермонтов зримо видел реальность сквозь призму языка, и сочетания слов у него рождали обобщения, понятия, отношения между причинами и следствиями. Лермонтов оставался всегда верен себе, природе и Абсолюту Творческая энергия субъекта продвигает вперёд патриотичность. Б.Л. Пастернак с полным основанием назвал Лермонтова «двигателем повседневного творческого постижения жизни» [см.: 10, с. 74].

4. Лермонтовские ключи в феномене ключимости

Слово «ключимость» ещё не вошло в общественно-политический лексикон. И это – весьма грустный факт нашего времени. Ибо «Это» с большой буквы – есть требовательное указание «на то, что в момент употребления этого слова занимает центр внимания» (Бертран Рассел). В 2015 г. этот центр занимает героика Великой Отечественной войны. Для ряда слов, не являющихся эгоцентрическими, на первом месте – «патриот», ибо наиболее постоянным является любовь к Родине и Отечеству. «Это» указывает на то, что существует нечто относящееся к обозначаемому объекту.

Таким несомненным «нечто» по отношению к объекту «патриот» является КЛЮЧИМОСТЬ. Это понятие – искомое для нашего философско-филологического анализа – В.И. Даль определил так: «Ключимость – свойство, качество, состояние ключевого» [11, с. 123]. В Св. Писании часто упоминаются «ключи», ибо универсальная власть над ними принадлежит Богу и Иисусу Христу. «Ключи Царства Небесного» переданы ап. Петру, который властен на земле всё связывать и разрешать (Мф. 16:19). Через ключи и ключимость пророк Лермонтов получил властный доступ к Царству Божьему.

Если после В.И. Даля вновь вспомнить Бертра на Рассела, то у английского мыслителя мы читаем: «...слово «это» в каждом конкретном случае его употребления указывает на иной объект: постоянным здесь является не указанный объект, а его отношение к конкретному случаю употребления этого слова» [12, с. 338].

Таким «иным объектом» может выступать и «ключимость» как качественное состояние, в котором лермонтовский патриотизм обрёл пророческую направленность, став поистине глобальным. Достаточно напомнить о двух великолепных «Еврейских мелодиях», которые мог сотворить только величайший космополит. Его любовь к человечеству, в частности, к русскости и еврейству получила воздаяние: пророк, завершив земное существование, вновь обрёл духовную жизнь. Если «любовь» является ключевым словом Евангелия и Лермонтова, то русское слово «правда» является ключевым понятием всей нашей отечественной истории; оно не имеет соответствующего выражения на других языках. В лермонтовском частотном словаре «прекрасное русское слово «Правда» (Н. Бердяев) мы встречаем 174 раза. Однако пока остаётся в стороне синтез ряда понятий, составляющих «правду»: истина, сознание, совесть, право, праведность и справедливость. В одном слове «правда», по мнению Н.К. Михайловского, совпадают эти разные понятия. Н.А. Бердяев считал, что «искать Правду» – значит искать одновременно высшую истину и высшую справедливость» [13, с. 391].

В наши дни к сказанному добавляют: «На оставившихся часах правильное время бывает два раза в сутки». Многие факты отечественной истории не только XIX века, но и XX-го таковы, что их интерпретаторы предпочитают ложь, а не неприятную правду. Однако, говорят, что лгать, допустим, из патриотических соображений нельзя, так как это будет ложь ради самой лжи. Ведь тогда получается так, что патриотизм предстаёт неким вариантом лжи. Для интеллектуала-патриота Лермонтова критическая рефлексия была главным делом, но она не опускалась до того уровня, чтобы назвать Россию «немытой». Зато это охотно делают сегодня «новые» российские западники-либералы. Подобно «старым» своим предшественникам, они не понимают российского полиэтничного и полирелигиозного народа.

Если судить по ряду источников, содержание стихотворения «Прощай, ... Россия...» трактуется по-разному. Лермонтов мог бы не противиться разночтениям таких определений народа, как «покорный», «послушный», «преданный», но присовокупить к нему слово «немытый» поэт не мог. Вспомним, что в своей «Родине» он говорит о крестьянах не как о простом орудии труда, не как о рабочей силе, а как о субъекте, имеющем духовную возможность жить для себя, то есть иметь собственное,

личное бытие. Другими словами, ещё до социализма Лермонтов отстаивал право на досуг, пророчествовал о том, что в русском селе утвердится эта безусловная, справедливая и человеческая потребность. Нам остаётся вслед за гением понимать всю глубину и значимость свободной личной жизни. Герой «Демона» утверждает: «Я – царь познания и свободы». Лермонтов жаждал иметь право человека на независимую от прихотей царя и его пашей творческую жизнь. Но он получал от государя лишь отказы на свои прошения об отставке и был отправлен на фронт.

Человечность, правда, любовь и свобода – вот лермонтовские ключи в составе настоящей ключимости России. В наше время она предстаёт категорией интегрального россиеведения и философской филологии, пока ещё неведомой.

5. Патримониальный персоноцентризм ожил?

Лермонтовская поэзия создаёт человеку комфортную среду. Высший представитель человечества – мыслитель сознаёт своё безусловное достоинство, формирует в сфере патриотизма некий персоноцентризм. Из Предисловия к «Журналу Печорина» многие исследователи компонируют ключевую формулу – «история души человеческой». При этом *персона в качестве центра* может трактоваться как личностное возвышение души в познании Истины. В «Истории души» Печорина это познание выражается, в частности, в сочетании плача и смеха [см. об этом: 14].

Будучи включённым в механизм государственной власти, поручик Лермонтов должен был блокировать свои претензии, ограничивать простор своему идейно-нравственному сознанию. Всей своей душой он не мог не отвергнуть насилие, противодействовать ему безусловно и решительно. Поэтому он решил распрощаться с системой произвола царских сатрапов («пашей») и «голубых мундиров», которые всё видели и всё слышали, вопреки лермонтовскому неприятию «всевидающего глаза и всеслышающих ушей». Вот и советским гражданам, в конце концов, надоело быть послушным орудием партийной диктатуры. Да и в настоящее время чиновничество смотрит на граждан как на свою «собственность». Разумеется, этот факт безнравственен и недопустим. Государственный порядок, ограничивающий или убивающий свободу личности, беззаконен и противоположен.

Персональность в сфере отношения к Родине-Отечеству есть идея личности гражданина государ-

ства, которая требует себе, прежде всего, свободы и неприкосновенности. Государство не должно быть неограниченным властителем над личностью. Однако самодержавный режим Николая I в отношении личности М.Ю. Лермонтова не был ограничен никакими её правами. Так, ему было строго приказано в течение 48 часов покинуть Петербург. Другими словами, над гением довлела старая идея полного поглощения его личности империей. В ней он должен был растворять без остатка все свои духовные силы и помышления. Лермонтов же посмел выпустить в свет «Героя нашего времени», повествование о котором было решительно раскритиковано царем.

Через противопоставление «Печорин – Лермонтов» автор «Героя нашего времени» проследивает скрытое движение к «идеалу лично-общественного универсализма» (В.С. Соловьёв). Этот универсализм выражается в безусловной солидарности – внутренней и внешней. Быть может, я выскажу спорную мысль, суть которой скрыта в дуэли Лермонтова с Мартыновым. Эта суть не в том, как писал А.А. Блок, что Лермонтова захлестнули призрачные миры, и он «бросился под пулю своею волей...» [15, с. 24]. Суть – в самопожертвовании. Но во имя чего? Позиция Лермонтова на дуэли – это сама решимость распрощаться с бесчеловечностью николаевского режима и доказать, что Богу от него надо человеческое достоинство; обрести такой бессмертный статус, который был дарован Аристотелю, Александру Македонскому, Галилею, Байрону. Взором свыше они, и вслед за ними Лермонтов, поставлены над временем, поэтому им было предначертано завершить земное бытие «метеорным» способом. Лермонтовская душа, видимо, светящейся стрелой улетела в грозное тёмное небо над Машуком. В пережитой клинической смерти мне посчастливилось увидеть не отлёт, а прилёт стрелы-души из абсолютно чёрного пространства.

С каким пылким негодованием поведал Лермонтов ремонтёру Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко свою непримиримость с «общим положением дел в России!» [16, с. 339]. Мы, разумеется, не можем знать всех потаённых переживаний и дум опального подданного. Предпоследнее произнесённое слово Лермонтова на дуэли: «Стреляй...!» Последними его словами были: «Я умираю...» Уверен, что в этот самый миг жизни у поэта мелькнуло признание: «Я люблю тебя, смерть...» Если Иисус Христос исполнил Ветхий Завет, то Лермонтов-Христос был призван исполнить Новый Завет: жизнь – вечность, а смерть – лишь миг. За-

кономерным является вопрос: «Какие у нас имеются основания для того, чтобы «вознести» Михаила Юрьевича Лермонтова на столь высокий уровень в земной иерархии?»

Лермонтовская совесть поднялась на недостижимую для других людей высоту, где открывается широчайший простор для духовного начала вечности и патриотичности. И в своё бессмертие он вошёл, осуществляя самопожертвование и идеал солидарности каждого со всеми, ожидая солидарность всех с каждым. Лермонтов без страха ждал «довременный конец»: «Давно пора мне мир увидеть новый; / Пускай толпа растопчет мой венец...» Но дело здесь не в личной самоидентификации пророка и даже не в девизе родового герба Лермонтовых: «Жребий мой – Иисус». На мой взгляд, заслуживает пристального внимания позиция известного философа А.Ф. Лосева. Анализируя работу «Горгия» Платона, он соглашается с выводами голландского учёного Г. Бергера, что термин «*osia*» имеет здесь значение «то, что есть», в смысле «истина». В метафорическом смысле истина есть тоже собственность, но, строго говоря, она есть то, что свойственно всякому, ищущему истину. В связи с этим сравним два утверждения: «Я есть истина, путь и жизнь» (Иисус Христос) и «Я царь познания и свободы» (М.Ю. Лермонтов). Спора нет, что разница есть. Вместе с тем, кто из современников нашего мыслителя всецело связал свою судьбу с поиском Истины, шёл своим Путём и утверждал ценность Жизни на земле даже путём самопожертвования? Разве что А.С. Пушкин?

Действительно, лермонтовский мир в ходе эволюции основательно видоизменился. В двухсотлетний юбилей со дня рождения глава новой России В.В. Путин преклонился перед могилой «нашего гения». Трудно не согласиться с писателем Владимиром Бондаренко: «Пожалуй, Лермонтов сегодня – самый современный поэт!» [4, с. 244]. От себя добавлю: и самый настоящий отечественник России, духовный центр её патримониальности. В нём всё: русскость, российскость, глобальность, еврейство, мусульманство, буддизм, протестантизм. Лермонтовский язык является своеобразной картой всемирной территории. Кроме того, им созданы также карты второго высшего разряда – Россия, Шотландия, Израиль, Палестина, Франция, Англия. Он предлагает нам также руководствоваться невидимыми пространствами. К своему удивлению я узнал, что пятигорский памятник поэту во время оккупации города сберегли католики костёла.

6. Глобальная цель патриотичности

Космистом можно только родиться. Доказательством является Лермонтов, осуществивший космическую цель любви человечества к Земле и Космосу. Отсюда всё то беспредельно-таинственное, что связано с коперниковской революцией. Мне посчастливилось видеть её продолжение при встрече с Юрием Гагариным и в ряде диалогов с космонавтами в Звёздном городке. Отрадно оказаться в числе тех, кто полагает, что личность стала свидетельством существования космической цели. К Истине, которую «Бог знает» приблизился россиянин Лермонтов, завершая этим признанием Предисловие к роману «Герой нашего времени». Этот лермонтовский вывод о наличии Абсолютной Истины воодушевил тех истинно верующих людей, которые переходили рубеж веков (XX-XXI) от большевистского безбожия и доминанты «Бог умер» (Ф. Ницше) к полирелигиозности и доминанте «Бог существует». Своим существованием Лермонтов, равно как и Иисус Христос, доказывают существование Бога.

В моём родном Пятигорске рядом с монументом поэта воздвигнут прекрасный храм Божий. На него обращён взор опекушинского памятника Лермонтова. Продолжая жить в тварном мире, мы вместе с бессмертным «нашим гением» «нашли» ключ к тайне космической гармонии. Важность этого этапа нашего познания мира осознаётся в силу того, что, говоря словами Ф.М. Достоевского, наше невежество, проявляющееся в разных формах, всё ещё грозит гибелью живой душе, «развитому и сознающему существу». Весьма доказательным подтверждением этого суждения служит трагедия в Украине.

Удивительно то, что Лермонтов предчувствовал украинский трагизм. Он любил украинскую патриотическую мудрость, часто рассказывал анекдоты Малороссии. На пути восхождения к истине российского патриотизма автор «Героя нашего времени» ввёл в повествование «Тамани» образ слепого мальчика как своего рода источника тайны, и этот поводёр Печорина чуть не привёл его к гибели. Названный «чертёнком», он поражал тем, что «говорил... малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски». Как же этот языковой переход разительно отличается от амбиций нынешних руководителей Украины, рьяно борющихся с русскостью и российскостью.

Здесь уместно подчеркнуть, что любовь к русскому языку органически связана не только с российской культурой, но и со статусом гражданина

вселенной, а «не одного или двух произвольных фрагментов в пространстве-времени» [17].

Вся культурная патриотичность Лермонтова, восходящая к небесам, позволяет видеть всё человечество в его целостности, а отдельные общества – как части целого. Лермонтовский русско-шотландский патриотизм помогает мудро судить о целях Запада, Европы, евроазиатской России. Поэтому подлинный культурный патриотизм, состоящий в том, чтобы быть гражданином мира, имеет огромное значение для тех лидеров, у которых в руках государственная власть. Культурная патриотичность российско-шотландского пророка также полезна для всех правителей, как правдивая информация. Так надо ли им плясать под американскую дудку?

В правдивом освещении особенно нуждается и дуэль у горы Машук 15 июля 1841 г. В трагический час этого судьбоносного дня М.Ю. Лермонтову удалось совершить самопожертвование во имя утверждения космической патриотичности, идеала лично-общественного универсализма. Исповедуемая гением безусловная солидарность – внутренняя и внешняя – потребовала от него быть со всеми в дружелибии, включая и своих противников. Но окружающие человека, совершающего самопожертвование, не способны были осуществить солидарность всех с каждым. В.С. Соловьёв полагал, что «осуществление этого идеала очевидно может совпасть только с концом истории, которая есть ничто иное как взаимное трение между личностью и обществом» [18, с. 247]. Своей самоказнью М.Ю. Лермонтов поднял патриотичность до космических высот. Что это именно так, свидетельствует лермонтовское предвидение смерти, которое мы встречаем в поэме «Мцыри»: «И в час ночной, ужасный час, / Когда гроза пугала вас...». Он, как и Мцыри, был рад «обняться с бурей» и ловить «рукою молнию».

Подобно Грушницкому из романа «Герой нашего времени», Н.С. Мартынов (вместе с имп. Николаем I) в нечестной игре хотели «убить» Лермонтова, «как собаку», но гений обыграл их, совершив величайший подвиг самоказни во имя любви к ближним и дальним. Лермонтовское подвижничество в патриотике практически опередило термины Ф. Ницше «любовь к ближнему» и «любовь к дальнему» (или к «призракам»). Михаилу Юрьевичу Лермонтову, который ещё не достиг возраста 27 лет, удалось в свете жизненного трагизма воплотить в себе «два великих и вечных этических начала – начало общественного блага и начало свободного развития личности». Эти слова

принадлежат моему любимому русско-еврейскому философу С.Л. Франку [5, с. 21].

Лермонтов раздумывал по поводу того, что ему «Бог готовил», какова цель его «упований и страстей». Он лишь единожды упомянул имя Иисуса Христа, всемирного патриота, резонно полагая, что сам он – не только «другой» по отношению к Байрону, но и по отношению к Иисусу. Глобальная цель христианства выражена, таким образом, и Иисусом Христом, и персоной другого Христа – Лермонтова. Можно ли это понять?

7. *Patriotica* в диалоге с ЦУВ

Подлинным патриотом своего Отечества выступает не царь – «помазанник Божий», а Лермонтов, устами которого «Бог гласит». В двух датах его земной жизни – 1814 и 1841 – многие усматривают начала двух страшных войн – Первой мировой и Великой Отечественной. В 2014 г., когда отмечалось лермонтовское двухсотлетие со дня рождения, началась жестокая гражданская война на Украине. На одну из её причин дан намёк в «Тамани» («Герой нашего времени»). Слепой «чертёнок» поразил Печорина знанием двух языков. Русский же язык, как известно, стал для руководителей Украины «камнем преткновения». Упомянув их, невольно вспоминаешь лермонтовского «Демона» и его «Парус». Если корабль назвать украинским, то сразу же встаёт вопрос: «Куда он держит курс из «края родного...» «в страну далекую»? Какую же? Читатель знает ответ. Вспоминаю любимую мною Грузию и её монастыри, почему-то вижу этот красивый край в образе «Мцыри», который стремится обрести свою свободу и самостоятельность. Но удаётся ли?

Безответное вопрошание побуждает назвать Того, кого именуют Богом. К Нему постоянно обращается Лермонтов: «Чего Ты хочешь от меня? Ведь я признался, что мне надо от Тебя». Диалог «Бог и Лермонтов» мобилизует ум и сердце лермонтоведов. Достаточно напомнить о жизни гордых пальм (См.: «Три пальмы»). Что их надоумило возроптать на Бога? Ведь после того, как они обратили на себя Божий взор, конец их существования приблизился с невероятной быстротой. И это произошло вопреки отмеренному им сроку.

Лидеры безбожного государства СССР, осмелившиеся, наконец-таки, провозгласить лозунги здравого смысла и обратившиеся к миру с идеями «гласности» и «перестройки», обрушили на страну такой шквал разрушения, который освободил её

и от самодержавия одной партии, и от парализующих ограничений свободы совести, печати, ассоциаций. Возможность гласности и отказа от немоты, которую инициировало лермонтовское прощание с немотной Россией, оказалась гораздо сильнее атеизма лидера КПСС. О, если бы Лермонтов дожил до 1985 года! Он мог бы прибавить к своему восьмистишию («Прощай, ... Россия...») ещё четыре строки: «Здравствуй, гласная Россия...» и т.д.

И всё-таки мгновенный уход Советского Союза с мировой арены подобен некоей мистике, которую великолепно понимал Лермонтов. Он отважно инкорпорировал в своё творчество понятия «Бог», «Вечный Судья», «Всеведущий», «Всемогущий», «Всесильный». Этот высший ряд слов можно по-лермонтовски продолжать. Но, обобщая его представление о Высшей силе, попытаемся ответить на вопрос: «Что такое Бог?» Почему бы не вспомнить ответ В.О. Ключевского: Бог есть «совокупность законов природы, нам непонятных, но нами ощущаемых и по хамству нашего ума нами олицетворяемых в образе творца и повелителя вселенной»? [19, с. 79].

Мирь Лермонтова, обращённый к ЦУВ (Центру Управления Вселенной), многообразен и универсален. Его значимые черты – полиэтничность и поликонфессиональность – явным образом представлены в «Русской мелодии», двух «Еврейских мелодиях», произведениях на кавказскую и восточную темы.

В своём завещании отец поэта Ю.П. Лермонтов писал о таланте сына, «в котором ты должен будешь некогда дать отчёт Богу!» [20, с. 160]. Пытаясь вообразить ожидаемый отчёт, замечу, что в нём многие находят своеобразную нить Ариадны, по которой возможно выйти к свету лермонтовского «всезнания» из густой тьмы заблуждений. «Царь познания и свободы», подобно Демону, помогает читателю украсить жизнь тонами гениальности и героизма, добра и красоты, драмы и трагедии, любви и правды. Ценностям «любви и правды» посвящены «чистые учения» Пророка, ревнителя о благе его Отечества. ЦУВ предусматривает главное: случайности правят миром и вовлекают человека в разные Игры. Игровой метод Печорина и Лермонтова назван В. Шмидом «игрой в кошки-мышки» [цит. по: 21, с. 617]. Игроками в «Маскараде» являются люди, в отвергнутом поэтом «свете». Помимо «игры» как черты реальности Лермонтов смог узреть и другие особенности современного общества: иронию и парадоксы. Этими понятиями можно охарактеризовать многие моменты сегодняшней российской действительности. В их рассмотрении я вижу актуальную задачу социологии.

Для философской филологии важной задачей является вкомпонирование диалога Лермонтова с ЦУВ о деспотическом своеволии имп. Николая I. Наибольшую озабоченность вызывает подспудная неприязнь царя к персоне гордого и смелого поэта. Наш мыслитель испытывает по этому поводу «переживание высшего порядка», если судить по Журналу Печорина: «Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие». Трудно сказать, догадался ли Лермонтов о причине царской нелюбви к нему. Ведь он тщательно скрывал своё негативное отношение к управлению страной Николаем I. Но почему тогда последний так глубоко завидовал поэту? Увидел в нём «царя познания и свободы» (по подобию с Демоном)? Царская неприязнь возникла, вероятно, после январских стихов 1837 г., посвящённых памяти Пушкина. 16 последних строк «На смерть поэта» особенно возмущали царя, так как он увидел в них «призыв к революции». В царской «революции» было велено медику «удостовериться, не помешан ли он...» [20, с. 311]. Позже стали раздражать царя восторженные отзывы его супруги, Александры Федоровны, о лермонтовских произведениях.

Становится понятным зловещий замысел строжайшего распоряжения императора от 30 июня 1841 г., то есть за полмесяца до гибели поэта: поручик Лермонтов должен был непременно состоять на Кавказе «налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку». Патологически завидуя таланту Лермонтова, император распорядился, чтобы поручик немедленно покинул столицу. Это приказание довело его до крайней степени возмущения (Краевский описал это как эпизод проявления бешенства). Ещё бы! Лермонтов знал, что Николай I – царь, а он – Христос и постоянно говорит с Богом (по-научному, с ЦУВ).

Диалог Лермонтова с ЦУВ продолжился и в его смертный час. Он решил не просто исполнить шестую заповедь «не убий», но и уйти от трёх ужасных преступлений: мятежа против самодержавия, убийства и самоубийства. Он, имея право на первый выстрел, совершает патриотическое самопожертвование во имя христианской человечности. Его подвиг сродни божественному, то есть бессмертен. Михаил Лермонтов увидел возможность увеличить потенциал божественного в своей природе и осуществил это. Лермонтовская со-весть достигла наивысшей добродетели. Ввиду того, что поэт-мыслитель преуспел в своём подвиге сполна, он перестал существовать как отдельный человек; произошло явление миру ново-

го посланника Неба. Не потому ли Лермонтов лишь единственный раз упомянул имя Иисуса? Как знать? Зато мы знаем, что другой Христос жаждал не только духовного счастья, но ему были «нужны телесные наслаждения, счастье явное, такое счастье, которое покупается золотом...» [22, с. 61]. Речь шла, разумеется, о теле, а не только о душе и духе.

Возможно, это не единственный вариант интерпретации вершины личной любви, но предполагаю, что сказанное мною наиболее естественно и логично. Я не могу не радоваться тому, что другой Христос в лице Лермонтова – отчизника пришёл на мою родину «с небес», где было его второе бытие, – в прекрасный Пятигорск. Теперь в городе знаменитый монумент гению и храм глядят друг на друга: диалог человека с Богом нескончаем. Чего он хочет от Всевышнего и что Богу надо от человека? Это – вечный вопрос бытия, и его разрешил М.Ю. Лермонтов. Он исполнил своё предназначение: заключил Третий Завет (союз) с Богом, став его Вестником.

Каким же образом это произошло? Лермонтов любил не только служение Отечеству, не только страдание за его благо, но он полюбил и смерть за две своих отчизны. В поэме «Сашка» говорится о смерти, которая отдаёт героя стихиям, разделяющим прах его, но его душа с душой вселенной сольётся и развеется над миром!... По словам А.И. Герцена, перед своей второй ссылкой Лермонтов говорил друзьям, что постарается как можно скорее найти смерть. Добровольная самоказнь во имя Родины была лучше, чем безвестная гибель на несправедливой войне. Исчезая в природных стихиях, в страшную грозу, умирающий сохранил свою бессмертную душу. За несколько месяцев до этого он бросил жребий в крепости Георгиевская. По оставшимся дням жизни в Пятигорске (а не в отряде) можно узнать о реальных проявлениях воли Свыше в ответе на библейское обращение: «Боже...! дай знамение» (1 Цар. 14:41). Тайнственным знамением были в ночь на 15 июля 1841 г. ужасные грозные молнии. В них – символ воскрешения личности из мёртвых. Кстати говоря, это – существенный элемент иудейской веры (см. слова «жизнь», «жребий», «ключи», «смерть» [23]).

P.S.: Лермонтов гипотетически предстаёт предвестником революции в филологии, которая обретает качество космической интегральности. Это – во-первых. Во-вторых, он предрекает филологии стать ведущей нитью прогресса России в XXI веке. Эти две гипотезы – предмет особого исследовательского формата.

Список литературы:

1. М. Лермонтов. 1814-1989 // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 3. СПб., 1992. С. 11-39.
2. Аргументы и факты. 2015. № 17. С. 10-14.
3. Кутырёва А.А. Спор о патриотизме Лермонтова. Н. Новгород, 2006.
4. Бондаренко В. Лермонтов. Мистический гений. М., 2013.
5. Франк С. Непрочитанное... // Франк С. Статьи, письма, воспоминания. М., 2001.
6. Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014.
7. Материалы круглого стола // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. 2014. № 2. С. 15-65.
8. Рапорт А. Мир – созревшая идея / Пер. с нем. Дармштадт, 1993.
9. Вестник литературы. 1914. С. 1.
10. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. СПб., 2001.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955.
12. Рассел Бертран. Словарь разума, материи, морали. Киев: Port-Royal, 1996.
13. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
14. Влащенко В. Плач и смех в «Истории души Печорина» // Вопросы литературы. Ноябрь-декабрь, 2014. С. 295-317.
15. Блок А. О символизме. «Алкопост». Петербург, 1921.
16. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Захаров, 2005.
17. Russell Bertrand. Dictionary of mind matter morals, 1952. (Цит. по: Рассел Бертран. Словарь разума, материи, морали. Киев: Port-Royal, 1996. С. 130).
18. Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
19. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993.
20. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М., 2002.
21. М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология: в 2 т. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014.
22. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 2002.
23. Большой путеводитель по Библии / Пер. с нем. М.: Республика. 1993.

References (transliteration):

1. M. Lermontov. 1814-1989 // Norvichskie simpoziumy po russkoi literature i kul'ture. T. 3. SPb., 1992. S. 11-39.
2. Argumenty i fakty. 2015. № 17. S. 10-14.
3. Kutyreva A.A. Spor o patriotizme Lermontova. N. Novgorod, 2006.
4. Bondarenko V. Lermontov. Misticheskii genii. M., 2013.
5. Frank S. Neprochitannoe... // Frank S. Stat'i, pis'ma, vospominaniya. M., 2001.
6. Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya. M.: Ladomir, 2014.
7. Materialy kruglogo stola // Vlast'. Obshchenatsional'nyi nauchno-politicheskii zhurnal. 2014. № 2. S. 15-65.
8. Rapoport A. Mir – sozrevshaya ideya / Per. s nem. Darmshtadt, 1993.
9. Vestnik literatury. 1914. S. 1.
10. Al'fonsov V.N. Poeziya Borisa Pasternaka. SPb., 2001.
11. Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. II. M., 1955.
12. Rassel Bertran. Slovar' razuma, materii, morali. Kiev: Port-Royal, 1996.
13. Berdyayev N.A. Samopoznanie. M., 1991.
14. Vlashchenko V. Plach i smekh v «Istorii dushi Pechorina» // Voprosy literatury. Noyabr'-dekabr', 2014. S. 295-317.
15. Blok A. O simvolizme. «Alkopost». Peterburg, 1921.
16. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Zakharov, 2005.
17. Russell Bertrand. Dictionary of mind matter morals, 1952. (Tsit. po: Rassel Bertran. Slovar' razuma, materii, morali. Kiev: Port-Royal, 1996. S. 130).
18. Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva. Rostov n/D.: Feniks, 1997.
19. Klyuchevskii V.O. Aforizmy. Istoricheskie portrety i etyudy. Dnevniki. M.: Mysl', 1993.
20. Lermontov M.Yu. Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 9. M., 2002.
21. M.Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya: v 2 t. T. 2. SPb.: RKhGA, 2014.
22. Lermontov M.Yu. Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 7. M., 2002.
23. Bol'shoi putevoditel' po Biblii / Per. s nem. M.: Respublika. 1993.